

303 АРЧЕР

Сладкая
вешедетта

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А88

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Zoe Archer

SWEET REVENGE

Перевод с английского *Е.К. Денякиной*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press, LLC и литературного агентства
Nova Littera SIA.

Арчер, Зоэ.
А88 Сладкая вендетта : [роман] / Зоэ Арчер ; [пер. с англ.
Е.К. Денякиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. —
352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-088796-5

Кто поверил бы, что прекрасная леди Ева Уоррик — одна из самых бесстрашных членов тайной корпорации «Немезида», чья цель — карать негодяев? Что она способна организовать побег из тюрьмы отчаянному боксеру Джеку Далтону, который, по мнению «Немезиды», идеально подходит для расправы над жестоким убийцей лордом Рокли?

Но вот во что бы вряд ли поверила и сама Ева, — это в свою страстную и безоглядную любовь к Джеку, мужественному и отважному, честному и благородному, и что он с тем же пылом ответит ей взаимностью. Однако счастье их так скоротечно! Влюбленным грозит долгая разлука...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088796-5

© Zoe Archer, 2013
© Перевод. Е.К. Денякина, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Йоркшир, Англия, 1886

Чтобы организовать побег из тюрьмы, узники в большинстве случаев тратят месяцы, а то и годы. В распоряжении Джека Далтона был один день. С кувалдой в руке он стоял в каменоломном дворе Данмурской тюрьмы и ждал, когда надсмотрщик защелкнет на его ногах кандалы, приковывая Далтона цепью к другим заключенным. Солнце нещадно палило Джека и еще две дюжины мужчин.

Он, прищурившись, посмотрел на небо. «Погода прекрасная, черт бы ее побрал. Надо же такому случиться, что единственный в кои-то веки ясный день на вересковой пустоши выпал именно тогда, когда я должен бежать из этого поганого места». Но даже если бы на небе светили десять тысяч солнц, это ничего не изменило бы. Сегодня он должен отсюда выбраться.

Линч, надзиратель, переходил от одного заключенного к другому, запирая на шиколотках каждого кандалы, прикрепленные к длинной цепи, протянувшейся между заключенными. Всякий раз, когда кто-нибудь из них двигался, цепь лязгала. Шиколотку Джека опоясывал шрам — толстый рубец, образовавшийся на его коже за пять лет тяжелого труда. Самыми трудными были первые пять месяцев. Кандалы врѣзались в грубую шерсть полосатых казенных носков, натерли кожу и разодрали ее до крови. Рана загноилась, у Далтона началась лихорадка, и он чуть было не лишился не только ноги, но и жизни. Но Джек — крепкий орешек и всегда им был. А ненависть только придавала ему сил. Он выжил, сохранил ногу и стал еще закаленнее.

Сегодня Далтону понадобятся все силы. Нетерпение жгло его, как жало шершня под кожей. Линч уже почти закончил с первым рядом заключенных. Еще минута, и надзиратель двинется вдоль ряда, в котором стоял Джек, и тогда шанс будет упущен. Взгляд Джека уже устремился через двор к высокой, в тридцать два фута, стене, которая отгораживала заключенных Данмура от холмистой равнины и свободы.

— Д-три-семь, смотреть прямо перед собой!

Джек снова стал смотреть вперед ничего не выражающим взглядом, спрятавшись за фасадом напускной апатии. Вот уже больше пяти лет никто не называл его по имени, иногда он даже забывал, что у него оно есть, а не только буква и номер. Когда-то его называли Алмаз, но вовсе не потому, что он любил алмазы. Да у него их никогда и не было, он и видел-то настоящие алмазы всего пару раз. Нет, его прозвали Алмаз, потому что, находясь под жесточайшим давлением, он превратился в самое твердое существо, которое только ходило по улицам Лондона. Джеком его звала только Эдит. А иногда, когда на нее накатывала тоска по их детству, она называла его Джеки.

— Джеки, — прошептала Эдит тогда, протягивая к нему окровавленную руку. — Джеки, заведи меня домой.

А потом она умерла.

Даже сейчас, хотя прошло много времени, это воспоминание все еще причиняло боль Джеку. В нем вскипел гнев. Он знал это чувство лучше, чем биение собственного сердца. Гнев был даже важнее, чем сердцебиение, потому что только он поддерживал в нем желание жить. Гнев и жажда мести. И скоро он осуществит эту месть.

Линч приближался. Пора действовать. Джек наклонился к заключенному, стоящему рядом с ним, и прошептал:

— Эй, Стоукс!

Мужчина с тяжелой челюстью быстро взглянул на Джека и снова стал смотреть прямо перед собой.

— Замолчи, идиот!

За разговоры заключенных наказывали плетьюми, а если начальник тюрьмы был в особенно зверском настроении, то и запирали в темной камере без света иногда на несколько недель. В этой клетке многие сходили с ума. Видит Бог, Джек там чуть было не спятил. Но сейчас его не страшило наказание. Он боялся только одного: что не успеет вовремя сбежать.

— Ты слышал, что Малленс на следующей неделе выходит на свободу?

— И что из этого? Мне еще восемь месяцев тут торчать.

У Джека благодаря манипуляциям в судебной системе срок был намного больше. Если он не попытается сбежать, то застрянет в Данмуре еще на тридцать семь лет. В итоге к тому времени, когда он выйдет на свободу — если, конечно, доживет до тех пор, — ему будет семьдесят три года. Вероятно, сегодня Далтон умрет. Но если он сумеет осуществить свой план, то и умереть не жалко, не такая у него жизнь, чтобы за нее стоило особенно цепляться.

— Я слышал... — Джек быстро покосился на Малленса, который стоял перед ними, потом снова на приближающегося Линча. — Он сказал, что, когда освободится, пойдет напрямиком к твоей милашке.

При упоминании его женщины Стоукс нахмурился.

— К Лиззи? Но он же с ней даже незнаком.

Джек пожал плечами:

— Может, он слышал, как ты о ней рассказывал, и решил сам посмотреть. Говорил, уж он ее хорошенько ублажит. И она, конечно, не откажется, ведь столько времени обходилась без мужчины.

Линч подошел совсем близко, и Джек быстро закрыл рот. Надзиратель злобно уставился на него.

— Д-три-семь, советую помалкивать. Начальник тюрьмы получил новый столб для порки, и ему не терпится его опробовать.

В глазах Линча блеснуло предвкушение.

— Да, сэр.

— Это что такое? — Линч наклонился ближе. — Похоже на разговор.

Джек молча покачал головой, всей душой ненавидя этого ублюдка. Среди надзирателей попадались и довольно приличные люди, которые просто выполняли свою работу за мизерное жалованье, но некоторые тюремщики, вроде Линча, наслаждались своей властью да еще и старались придумать новые способы запугивать и изводить заключенных. Линчу, к примеру, особенно нравилось находить на ровном месте несуществующие нарушения порядка.

Надзиратель ухмыльнулся и закрепил на ноге Джека кандалы. «Проклятье!» Джек надеялся как следует раздражить Стоукса до того, как его закуют, но Линч положил конец его замыслам. Джеку так хотелось с размаху опустить кувалду на голову Линча, сбить с него синий кивер и разбрызгать его мозги по всему двору, что ему стоило огромного труда удержаться от искушения.

«Сосредоточься на своей цели, Далтон!» Пусть он бы испытал удовлетворение, убив Линча, но это привело бы к тому, что другие тюремщики схватили бы его и заперли на месяцы в темный карцер, откуда вытащили бы только затем, чтобы повесить. Поэтому Джек позволил Линчу запереть на его ногах кандалы и двинуться дальше.

— На следующей неделе, — прошипел Джек Стоуксу, — Малленс займется твоей Лиззи.

Стоукс никогда не славился сильной выдержкой. От малейшего намека на провокацию он взрывался, как горящий оружейный склад.

— Я расквашу твою чертову рожу! — прорычал Стоукс, вырвался из ряда и метнулся к Малленсу.

Остальные заключенные, спотыкаясь, дернулись за ним, потому что были скованы общей цепью. Испуганный Малленс едва успел повернуться кругом, как Стоукс обрушил на него град ударов. Заключенные начали па-

дать с сердитыми возгласами. Некоторые поддерживали криками Стоукса. Из главного здания выбежали другие надзиратели, и крику стало еще больше. В каменоломном дворе воцарился хаос, синие формы тюремщиков и блеклые грубые робы заключенных слились в одно размытое пятно. В воздухе замелькали кулаки. Некоторые надзиратели были с дубинками, они принялись избивать заключенных независимо от того, участвовали те в драке или нет. Джеку тоже достался удар дубинкой по плечу, он крякнул, но устоял на ногах.

Бедлам повсюду.

Пора!

Джек поднял кувалду и с силой опустил ее на цепь, сковывающую его с другими узниками. Толстые звенья цепи содрогнулись, но не поддались. Он принялся бить по ним снова и снова. Вибрация от ударов отдавалась в ногах и шла вверх по всему телу, так что у Далтона даже зубы застучали. Веса кувалды он почти не чувствовал. Джек был сильным уже тогда, когда его судили и отправили в тюрьму за покушение на убийство, а годы тяжелого труда сделали Далтона еще сильнее, и теперь тяжелая кувалда была для него словно птичья косточка. Он продолжал молотить по цепи, пока она наконец не сломалась. Тогда Джек устремился прочь с тюремного двора. Позади, отдаваясь эхом от стен, были слышны крики и шум драки, в суматохе никто не обратил на него внимания.

Сердце Джека бешено колотилось, мысли лихорадочно путались, но он заставил себя сохранять хладнокровие и рассуждать логически. В уме Джек нарисовал план тюрьмы. Шесть главных зданий расходились в стороны лучами, как спицы колеса. От корпусов тянулись узкие стены к огромной каменной стене, окружавшей всю тюрьму.

На первую, внутреннюю стену без лестницы ни за что не забраться, а с лестницами в тюрьме было туго. Поэтому Джек бросился к двухэтажному дому, где располагалось общежитие для неженатых надзирателей, живших

на территории тюрьмы. Прижавшись спиной к низкому флигелю, он смотрел, как из общежития высыпают надзиратели и устремляются во двор, где заварилась каша. Они были так озабочены бунтом, что Джека даже не заметили. Как только он решил, что надзирателей в доме не осталось, Далтон бросился к двери. Она оказалась закрыта. Джек взмахнул кувалдой и ударил по замку. Наконец дверь распахнулась.

Забежав внутрь, Джек быстро окинул взглядом столы с недоеденным завтраком, пузатую печь в углу, фотографические отпечатки портретов королевы и королевской семьи. Здесь не было ничего полезного. Он бросился на второй этаж, перескакивая через две ступеньки, под его тяжелыми башмаками деревянная лестница жалобно закричала.

На втором этаже двумя ровными рядами стояли кровати. Заключение должны были каждое утро скатывать свои соломенные тюфяки для проверки, но у тюремщиков кровати были застелены и стояли гладкие, как задница священника. Джек подумал, каково было бы поспать на настоящем волосяном матрасе или даже на пуховой перине. Он не помнил, спал ли на них вообще когда-нибудь. Впрочем, какое это имеет значение? Возможно, в следующий раз он будет спать только вечным сном.

Джек подбежал к окну и, положив кувалду, распахнул створки. К сожалению, на следующем этапе побега ему понадобятся обе руки, так что кувалду придется оставить здесь, хотя она и была своего рода подстраховкой. Ну ничего, он и одними кулаками может многое сделать. И Джек собирался позже пустить их в ход: сначала избить лорда Рокли в фарш, а потом сжать пальцы вокруг горла этого убийцы и держать, пока он не перестанет дышать.

Далтон мрачно улыбнулся. Он с нетерпением ждал, когда это произойдет.

Джек выбрался из окна, схватился за край кровли, подтянулся и влез на крышу. Там он присел на корточ-

ки. Сверху было видно, что во дворе продолжается драка заключенных с тюремщиками. Джек окинул взглядом остальную часть тюрьмы. Никогда еще он не видел ее с такой высоты. Окна камер напоминали скорее узкие щели, расположенные на такой высоте, что посмотреть в них можно было, только встав на табурет или на ведро. Но это было нарушением, за которое полагалось наказание, поэтому Джек редко пытался смотреть в окно.

Впрочем, тюрьма его больше не интересовала. Теперь ему была важна только холмистая вересковая пустошь, протянувшаяся на несколько миль. Туда-то ему и нужно добраться. Это следующая стадия его побега.

Низко пригибаясь, Джек перебежал по крыше и остановился точно над кирпичной стеной, ведущей к последнему препятствию на его пути к свободе.

Джек спрыгнул. Стена была узкой, и ему стоило труда удержать равновесие. Он почувствовал, что начинает скользить, но уперся башмаками, устоял и выпрямился, потом побежал вперед — к возвышающейся перед ним последней границе тюрьмы. Внешний двор внизу был пуст. Среди лоскутков бесплодной земли и засыхающей травы никто никогда не ходил. Это было место, где тех, кто попытается бежать, должны были схватить раньше, чем они выйдут на свободу. Иногда Джек слышал доносившиеся отсюда выстрелы и крики караульных. Иногда, но не часто. Мало кто пытался бежать из тюрьмы, и еще меньшему количеству удавалось это сделать.

— Но я сбегу, — пробормотал он себе под нос.

И было похоже, что ему это удастся. Пока что его никто не заметил, все были заняты подавлением беспорядков в каменоломном дворе.

Внешняя стена была выше той, по которой он бежал, она возвышалась впереди, мрачная и устрашающая. В нем шевельнулся страх, но Джек только прибавил скорость, стараясь набрать разбег. Он прыгнул и, хотя тяжелые башмаки тянули вниз, сумел схватиться за край стены. Весь его внушительный вес теперь пришелся на

руки, неровные камни больно резали пальцы. Далтон еще висел на стене, когда издалека донесся крик:

— Эй! Заключенный сбегает!

«Проклятье!» Джек не стал тратить время на то, чтобы посмотреть, кто из надзирателей его заметил. Он поднатужился и стал подтягиваться.

— Немедленно остановись! — закричал надзиратель. — Или я буду стрелять!

Джек не обращал на него внимания и продолжал подтягиваться, напрягая все мускулы. Послышался свист, и рядом с ним полетели в стороны мелкие осколки гранита. Джек выругался. Это надзиратель выстрелил в него. Потом еще раз. Бежать через пустошь, истекая кровью, — это Джеку было совсем ни к чему, он растратил бы драгоценные силы, которые ему нужны, чтобы лишить жизни презренного Рокли. Кряхтя от натуги, он вскарабкался наверх и снова повис на стене, держась пальцами за край, но по другую сторону. Земля качалась внизу в тридцати футах от него. Здесь Джеку грозила другая опасность: если он неудачно приземлится, то сломает ногу, а то и спину. Но медлить он не мог. О его побеге доложат страже и начальнику тюрьмы, и они организуют погоню, у него в запасе мало времени. Джек вздохнул, заставил себя расслабиться и разжал пальцы.

Земля стремительно приближалась. Готовясь упасть, он немного согнул ноги в коленях. Первыми земли коснулись башмаки. Джек приземлился на носки, и сотрясение от удара прошло волной по всему телу. Он быстро пригнул голову к груди и покатился, пытаясь восстановить дыхание. Наконец движение замедлилось, Далтон выпрямился и встал. Восстановить равновесие ему удалось не сразу. Пока мир еще вертелся вокруг него сумасшедшей каруселью, Джек увидел пустошь с островками низкого кустарника и неумолимо синее небо. Никаких стен — кроме тех, что остались у него за спиной.

— Свобода, — хрипло произнес он.

Но это была не настоящая свобода. У Джека Далтона был долг, который предстояло исполнить, и этот долг отомстить гнал его навстречу неминуемой смерти.

Голоса по другую сторону стены стали громче, охрана и надзиратели готовились отправиться за ним в погоню. К счастью, Джек спрыгнул со стены далеко от главных ворот, и его преследователи потратят несколько лишних минут, пока доберутся до этого места.

У Джека все еще слегка кружилась голова, но он бросился бежать через заросли дрока, намереваясь затеряться на пустоши. Колючки царапали лицо, рвали тюремную робу, но он не обращал на это внимания, сосредоточившись только на голосах людей и собачьем лае.

Спустя несколько часов непрерывной гонки Джек опережал своих преследователей лишь на несколько шагов. Его одежда и лицо были забрызганы грязью, грубые ботинки натерли на ступнях мозоли, и Далтон чувствовал себя скорее животным, которого гонят охотники, чем человеком. Но зато он приближался к цели. Джек был уже совсем близко.

Наконец беглец остановился. Его легкие горели, ноги гудели. Он укрылся под одним из кустов дрока, тяжело дыша и прислушиваясь.

— Видишь его?

— Кажется, он побежал в эту сторону.

— Уже темнеет, нам надо поскорее его окружить.

— О, я вижу его следы! Тут его куртка!

Джек затаил дыхание. Голоса стали глуше, и он осторожно выдохнул. Кажется, его обманный маневр сработал, ему удалось направить преследователей по ложному следу, но он не был уверен, что тюремщики ушли, а потому не стал рисковать и не бросился тут же бежать дальше. Хотя бежать ему очень хотелось — он чувствовал, что время ускользает, как песок сквозь пальцы. Его цель была близка, хищник, сидящий в нем, требовал только одного: убить добычу. Но действовать нужно с умом.

Губы Джека дернулись в горькой усмешке. Никто никогда не нанимал его на работу за мозги. Фаулер, бывало, говорил: «Алмаз, не размышляй. Ты большой злобный ублюдок, ты — тот, кто не дает всякому сброду добраться до его светлости».

Сегодня Фаулер вполне мог быть рядом с Рокли. И он, и Кергис. Может, и Восс тоже. Но Джек не мог рассчитывать на их дружбу. Рокли платит им за работу, а на дружбу выпивку не купишь. Так что, когда Джек придет за Рокли, остальных придется устранить. И это его вполне устраивало.

Совість... его совесть — мелочь, не заслуживающая внимания. Ради того, чтобы добиться цели, он был готов устранить любое препятствие, даже людей, которых когда-то считал друзьями. Далтон сожалел только о двух вещах: о том, что он не защитил Эдит. И о том, что когда в первый раз попытался убить Рокли, его попытка не удалась. В этот раз он обязательно должен это сделать.

Джек прислушался к стихающим голосам стражников. На землю тяжелыми волнами опускались сумерки. Ему хотелось пить, в горле пересохло, губы потрескались, сейчас он бы не отказался даже от жидкого, вонючего пива, которое им давали в тюрьме вместе с кормежкой.

Наконец голосов тюремщиков не стало слышно. Но Джек понимал, что ложный след отвлечет их не надолго. Пора двигаться дальше. Он выбрался из-под куста дрока и посмотрел на небо, чтобы сориентироваться. Милях в четырех к северо-востоку от Данмурской тюрьмы находилась деревня Камбрия, на постоялом дворе которой остановился Рокли.

Джек побежал, пригибаясь к земле. Сегодня ему чертовски повезло, если, конечно, такой человек, как Джек, вообще может считать себя хоть в чем-нибудь везучим. Утром, когда он закончил мыть свою камеру и направился в коридор, где заключенные находятся во время проверки, его остановил проверяющий надзиратель.

— Хорошая новость, Д-три-семь, а?

Джек только молча посмотрел на надзирателя, хорошо помня, что ему запрещается разговаривать.

— Этот толстосум, которого ты пытался убить... как его, Рокуэлл? Рокберн? Говорят, он прибыл в Камбрию и остановился в тамошней гостинице. Небось на охоту приехал. Не представляю, зачем еще джентльмену голубых кровей может понадобиться приезжать в эту дыру. — Надзиратель засмеялся. — Хорошенькая история, а?

Удивляться этой новости у Джека не было времени. Несколько часов между проверкой и дневной работой Далтон потратил, составляя план побега. Рокли проводит бóльшую часть времени в Лондоне. То, что он оказался так близко, было шансом, или судьбой, или, как сказал бы капеллан, провидением. И Джек не собирался упускать такую редкую возможность.

Ночь опустилась на землю темным покрывалом, но Джек видел в отдалении огоньки, и они служили ему ориентиром. Спотыкаясь от усталости, он продолжил путь, не упуская из виду эти огни. По всей видимости, это и есть деревня Камбрия. Последний этап его путешествия в ад.

Он набрел на изрезанную бороздами дорогу, ведущую в деревню, но предпочел держаться от нее на расстоянии, хотя в его поле зрения попала всего одна повозка, громыхавшая на ухабах. Приближаясь к деревне, Джек начал различать очертания построек. Лавки торговцев, церковь, несколько домов на главной улице... но его внимание привлекало только одно здание — постоялый двор, стоящий в конце улицы. Из окон двухэтажного дома лился свет, разгоняя темноту, доносились звуки фортепиано и веселые голоса. Джек не слышал музыки с того дня, как попал в тюрьму, если не считать унылых немелодичных гимнов, которые они пели в тюремной часовне. Ему захотелось с головой окунуться в эти звуки, звуки нормальной жизни. Музыка, сплетни, мелкие обиды, которые могли ранить чьи-то чувства, но не привести к смерти. А все, что происходило в жизни Джека, казалось, вело к смерти.

Он присел на корточки за низкой каменной стеной и присмотрелся к гостинице. Окна второго этажа были ярко освещены. Комнаты выглядели маленькими, тесными, Рокли бы в такой не остановился. Но была еще одна комната, которая выглядела более или менее подходяще. Она казалась больше других, в ней стояла кровать с пологом и имелся камин. Это было лучшее, что могла предложить эта гостиница. Рокли всегда кичился своим богатством и положением в обществе. Если он остановился на этом постоялом дворе, то он, конечно, занял самую лучшую комнату, какая здесь есть.

Внезапно Джек увидел в окне силуэт мужчины, и внутри у него все сжалось. Свет падал на мужчину сзади, и черты его лица было невозможно разглядеть, но по размеру и очертаниям он определенно походил на Рокли. Высокий, с широкими плечами спортсмена и прямой гордой осанкой, которая прямо-таки кричала о его благородной крови и привилегированном положении. Настолько привилегированном, что он мог совершить убийство и это сошло бы ему с рук. От ненависти у Джека потемнело в глазах, и он ощутил горечь во рту. Далтон сплюнул на землю и подкрался поближе.

Рокли отошел от окна, но из комнаты, по-видимому, уходить не собирался. Отлично. У него наверняка есть телохранители, его люди, скорее всего, сидят внизу, в таверне, а то и стоят у двери его комнаты. Когда-то Джек сам был одним из них. Он знал, что они не раздумывая пустят в ход кулаки и пистолеты, чтобы никого не подпустить к его светлости.

Далтон вытер влажные ладони о штаны и снова посмотрел вверх, на второй этаж. Он до смерти устал, ему хотелось пить, и слегка кружилась голова. «Так близко, чертовски близко!» Он встряхнул головой, пытаясь прояснить мысли, и начал карабкаться вверх по стене. В каменной кладке, там, где строительный раствор выветрился со временем, образовались щели. Упираясь в них ногами и цепляясь пальцами за выступающие кам-

ни, Джек, сдерживая проклятия, лез все выше и выше, стараясь при этом не шуметь. Если его схватят сейчас, когда до Рокли остается каких-нибудь двадцать футов, он просто сойдет с ума.

Ближе, еще ближе. По мере того как Джек приближался к окну комнаты Рокли, его пульс бился все чаще, а гнев нарастал все больше. Наконец он схватился за подоконник. Слава дьяволу, ночь была теплой, и Рокли оставил окно открытым. Так что не придется разбивать стекло, и его звон не привлечет внимание телохранителей, расположившихся внизу или в коридоре. Джек в последний раз напрягся, подтянулся и перелез через окно. Далтон почти достиг цели и теперь был готов убить.

Но выпрямившись, он так и застыл на месте, не сделав ни одного шага. Перед ним стояла самая прекрасная женщина, какую ему только доводилось видеть, — высокая, подтянутая блондинка с карими глазами цвета шерри, заостренным подбородком и неулыбающимся ртом. И она целилась в голову Джеку из револьвера.

Он сделал шаг к ней.

— Руки, мистер Далтон. — Незнакомка старалась говорить спокойным, ровным голосом. — Покажите ваши руки. — Она внимательно смотрела на мужчину, которого держала на мушке своего веблея калибра.45. Хотя слово «мужчина» в данном случае казалось не совсем уместным. Для описания такого... такого самца больше подходило определение «головорез». Темные глаза, дикие, словно глаза животного, буравили ее взглядом.

— Полегче, милая. — Джек заговорил так, словно успокаивал испуганную лошадь. — Я не причиню тебе вреда.

Он сделал еще один шаг по направлению к ней. Женщина приподняла револьвер, не сводя его с цели.

— Поднимите руки, мистер Далтон. И не делайте больше ни шага.

Джек поднял руки, и, боже правый, какие же они были большие. Впрочем, как и все остальное.